

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Примеры из пятилогии

Вдруг впереди себя Михаил заметил знакомую шапочку и немного прибавил шаг. И подпрыгивала „шапочка” в толпе привычно... Михаил ещё ускорился. Хозяин шапочки обходил встречных и попутных только справа... «Неужели?» – Михаил почти бежал. „Шапочка” обернулась, чуть подымая голову... «Точно! Гришка, всё ж, сбежал!» – Григорий Саввич! А Григорий Саввич! – закричал он на весь Подол. „Шапочка” присела, но всё ж видно было, как нырком пошла вправо, к горе 4-1-625

Развернутое олицетворение

Во всём была какая-то удивительная незавершённая. Река, лелея новорождённую, укачивала её на волнах. Лёгкая рябь поила серебром белёсый лунный жернов. Звёзды, прикрывшись облаками, не тревожили колыбель, не оттеняли своим светом очарование луны. Тьма, принимая от воды эту красу, дарила бледному свету половину каждого холма, мазанки, плетня, всего, чего касался лунный луч. Половинку ивы, листов её, что склонялись над водой, умиляясь пленительному девичьему очарованию. На их острых кончиках едва удерживались готовые упасть от малейшего дуновения слёзы восторга. **Ветер затаил дыхание, боясь сорвать хоть каплю и нарушить громом её падения гармонию разлившейся ночи и наступившей тишины.** 4-1-607¹ Слово «гармония» в русском языке появилось в XVIII в. и было заимствовано из латинского через польский (*harmonia*) и первоначально писалось и произносилось как «армония» (с греческого *ἁρμονία* – связь, соразмерность)

Взмахнул рукой, отгоняя наваждение, и рукавом задел догорающую свечу. Огонёк привстал и, подарив последний поклон, погас. Михаил остался наедине с темнотой. Но только глаза к новой собеседнице привыкать стали, как бледный свет из окна попросил её в углы хаты. Темнота, не прощаясь, пряталась у Миши за спиной, таилась под столом, под лавкой, выглядывала чёрной кочергой из-под печки. 4-1-604

И хоть знал отец Герман: прожил Пётр с того дня недолго, и у кого ни спрашивал, никто того листа боле не видел, страх всё время сидел в нём на корточках. И сейчас вот, при упоминании имени государева сына, вскочил, разогнулся и так молотом ударял по сердцу, что оно выскочить и бежать готово было отсюда до самой Речи Посполитой, до милого того тихого городка, в котором впервые застучало. 4-1-507

– Они тут не снегом завалены, не льдами зажаты – людьми забыты. Они на берегу, как рыба. От тоски они... – Миша снял шапку и мял её в руках. – Они тут как на дне. Да лучше уж, чтоб на дне... 4-1-470

Тулуп, что давал ему, топорщился, скучая, а вот попутчика, к неугомонности в познании которого ко всему новому привыкать уж начал, и удивлением которого от несимметричных филёнок так хотелось насладиться, не было. И такая вдруг Мотю взяла обида! С кружкой старого кваса и замаранным передником, она сзади к нему трактирщицей подошла и обняла липкими руками. Обида, что не он, а кто другой Мише покажет... Что не заглянет в тот миг в глаза, которые распахнутся, красоту принимая, а тайны соразмерности постичь не в силах. 4-1-456

Кот раскрыл глаза и, поднявшись на задних лапах, силился прокусить Мишину штанину. Миша, вернув коня, сделал другой ход и почесал мохнатого за ушком: «Бдителен!» Чёрно-белый ответно лизнул руку: «Учись быстрее, недотёпа!» 4-1-434

С ним прощался едва заметный отсюда овражек, в котором прятался от мамки, когда в голубели рубашку перепачкал. Озерцо с жёлтыми кувшинками, на котором учился с плотиком справляться. Едва заметный огонёк из окна избы Егорки Шубного. 4-1-430

Всякая птаха, домой вернувшись, напоит щебетаньем родное гнёздышко. Первый листок выкрасит черёмуху. Наградит за то, что она ради него, малого, лютую зиму выстояло. 4-1-398 **видно, что больше глагольная метафора чем олицетворение**

Слышно, как тянет весной сквозь зиму. Несмело, робко, вприглядку ведёт. 4-1-398

И снег также по очереди то высвечивался, разгораясь на солнце, то скучнел и будто спрятывал, отворачивал от Миши смеющееся лицо. 4-1-397

Сердце владыки Феофана ответно ухнуло, и этот-то совиный крик тишина и услышала. Бросилась от двери, топоча на весь дом необутыми ногами. 4-1-373

День, мягким светом всё кругом залив, белым снегом краски уравнил и наслаждался тишиной, укутанной серебристым одеялом. 4-1-397

Тут тараканы выползли все и отовсюду. Забегали в голове: «Вот теперь погуляем! Вот поживём! Всех усами защекочем. Портреты свои велим написать. И везде по кухням, поварням развешивать! Короны каждому закажем. И парики. Сначала парики, чтоб короны после не жали. Мебелишку поменяем. Креслице вот это на чердак затащим. Обои переклеить повелим. Говорят, у Меншикова в покоях красавицы были. Карету бы ещё – от уха до уха ездить. Лошадей опять же. Только не белых... И балы устраивать, чтоб по праздникам. Ассамблеи. И тараканих поменять надо. На тех, что с талиями. И чтоб языки знали. И чтоб всё по-европейски. Усы завивать! И платье, платье поменять надо. Теперь кругом всё наше. Вон озеро Михайловское³¹⁷ в нашу честь уж переименовали! Да что озеро...» 4-1-357

– Не решился. Пусть мать сама. Не мы, – Иван склонил голову и теребил через одежду нательный крестик 4-1-344

Уже через полчаса они перебирали ключами у дверей книжной палатки. Там всё было на прежних местах. Кот вроде и не обрадовался их возвращению. Будто и так знал, что вернутся. Миша подошёл к окну. Потрепал пушистого по загривку: «Так ты, значит, мудрый оттого, что всегда при том, кто в силе, во власти?» Котище замурлыкал и, подняв мордочку, подставил горло: «И здесь, пожалуйста, почешите». Миша тут и представил: «А вдруг у хвостатого на уме совсем иное? „Я оттого мудр, что при книгах. А ты со своим „власть, власть“ лезешь“...» 4-1-324

Лўки Л̄ва родис̄ ъ Петра Алекзїѣвича Васїлїа Л̄ва любовїю̄ составленна – Л̄ ва – понятно, Ломоносова. А причём тут Пётр Алексеевич? Это-то кто? Он всматривался в повлажневшие дядькины глаза: – Кто это? Кот, приподняв мордочку, раскрыл оба глаза: «Кто это?» 4-1-326

Василий Дорофеевич привстал, свободной рукой подхватил начавший было падать под ним табурет. Так и стоял, одного неустойчивого удержать успев, сына взглядом подпирая и к отцу

Иоанну, беду в дом принёсшему, нехотя обращаясь: – Не сегодня. Завтра, коль нельзя по-другому. 4-1-301

Я тебе, Ванюшко, стелить-то сегодня не буду? Этот ить только начал. Смотри, какая у него тетрадка толстая. Он тебя сегодня так укатает, ты и до постели не дойдёшь. На лавке устроишься. Подушка о тебе поплачет, конечно, поскучает... 4-1-289

И тут Мише о себе напомнили комары. Он весь в воспоминаниях, ну и они, понятно, тем пользовались. Хоботки в него вонзили, мечтая вкус молодой крови запомнить: «Посиди, Мишаня, ещё страничку. Мы за роднёй слетаем. После товарищей позовём. И себе устроим природный праздник! Красивы, говоришь, цветочки? А сколько их числом-то?» 4-1-272

– П-ю-и-п. П-ю-и-п. А она головку набок склонила: «Ты ж, Миша, человек. Скажи что приличное. Хоть вот ваше „Здравствуй!“ Он и поздоровался: – Как ты, зук? Со встречей! 4-1-269

Перед ним проскочила новая яркая мысль: „Говорят, время разбрасывать камни. А твоё пришло – собирать!“ Вот почему предыдущая не возвращалась: носилась гдето. А ведь тоже красивой была: „Количество камней в лабиринте равно количеству букв в вирше“ 4-1-266

Он постоял, вглядываясь в лабиринт. Проскочила мысль: «Количество камней равно количеству слов. Нет, букв». Он её догонять и переспрашивать не стал: «Если толковая, наносится и сама вернётся». Продолжил вслух: 4-1-266

– Мишка! Сюда! Сюда! Я такого густого, матёрого ветра в паруса поймал. Несёмся-то как! Смотри, как руля слушается! Видал ты?! Вышли вместе с Андрейкой Дудиным, а видишь ты парус его? 4-1-230

В прошлом годе ходил, а в этом ноги отказали, наломались за жизнь: «Прощенья просим, но не носить нам тебя боле». 4-1-222

Дневник с колен упал на палубу. Карандаш обиженно попрыгал к уложенным вдоль борта китовым рёбрам. ... 4-1=205 Он кинулся искать обидчивый карандаш. 4-1=207

Моряна вывалила из-за горизонта облака и сотворила из них стену 4-1-170

На нос соймы, хлопая крыльями, присела чайка. Безденежный пассажир. Гнать надо беспошлинного. 4-1-151

Напротив, через окно, виднелось лицо возничего Гаврилы. Из сеней Томми выглядывал. «Эти, в случае моего позора, вести по всему Архангельску в час разнесут». Он живо представил, как пёс несётся к Рыбным рядам и там, собрав вокруг себя лохматую свору, радостно пролаивает новость: «Ломоносов на паспье в первой же фигуре своей ногой о свою другую зацепился. Смеху среди дам было! Гав! Хгав! Гав!» 4-1-127

Половины пути не было, как стихать попутный ветер стал. К вечеру себе покой указал и мореходам определил: «Обождите денёк. Встреча слаще будет». 4-1-130

Берёза насыпала ему под ноги листа. Один яркой пряжкой сразу пристал к носку туфли. Он так и шагал, неся жёлтый листик, словно знамя своего несогласия. Нога сзади – молча слушал, шаг вперёд – в атаку рвался. Как во вчерашнем споре. 4-1-84

Квазиолицетворение

Хозяйство вениками, ещё не заготовленными, овцами, в загон не выпущенными, курами, на ночь не закрытыми, коровой недоенной, назад его к себе требовало. И ладно бы только своё хозяйство... 4-1-30

Мимо Мишиного окна проплывали вскинутые, словно знамёна, полотнища. Односельчан ему со своей скамьи видно не было. Только вскинутые на плечи косы. Блестели под солнцем отбитые лёгонькие, колыхались востроносые средние и мерно вздымались, поблёскивая лезвием те, на которых и держался весь сенокос, надежда на сытую зиму – для скотины, а, значит, и для себя. 4-1-33

«А может, всё ж в бабки?» – Мишаня представил всю такую ладную Марусю и тут же припустил к дому. Оглянулся: собака не двигалась, сидела и выжидала. «Думает, поди, про меня: „С этим такая маёта... Уйду назад. К Луке”». 4-1-38

Там деньга скорее всех вокруг себя соберёт, чем что людское 4-1-35

Комар насытился, набух. Не спеша взлетев, заныл. Миша почему-то подумал за комара: «Есть же смирные люди. Надо этого запомнить. Побольше бы таких». 4-1-38

Сел к окну и, пока торопливо ел, всё смотрел, как перед ним шла, ехала на телегах его родимая деревня. Крестьянский мир его детства . 4-1-33

А небо, расцвеченное всё, на воде отражалось тусклым светом и будто понимало, подыгрывало ему. С ним рассуждало. «Так вот что! Сияние – это мысли! – он вскочил, не заметив, как компас скатился на землю. – Ведь так! Как у меня – сначала далеко где-то вопросом, искоркой моргнёт. После разгорится, и не остановишь, пока ответом не затушишь. Кому же столь огромному мысли сияющие принадлежат? Иль вовсе наоборот? Мысли ведь куда выше человека! 4-1-22

Без сна, оттого что под ночь уж засыпал там, где работа застанет и, не проснувшись, с подойником брёл к корове, когда та от мычанья к рёву переходила. А порой дотягивал и до худшего, когда она, выдохшись, стояла и вздыхала по-человечески. 4-1-30

Сперва через день, после через три ходил на кладбище. У мачехи сидел, после к матери шёл. Рассказывал обеим, что за эти дни сделал. И вроде не так одиноко становилось. Вроде как рядом они. И казалось порой, с ним вместе на работы они поспешали. 4-1-30

Выше по склону радуга – солнца да воды дитя, мхами и лишайниками цветными по скале расплескалась. И уж солнце само тому разноцветию завидует. Полукружия красные на ярко-жёлтую полянку набегают, и тут же на снежном ягеле будто пламенем костра вспыхивают. Ближе к склону сиреневый лишайник в соседи себе тёмно-синий выбрал и с небесной голубизной да морской сероватой лазурью перекликается. 4-1-24

Как сошли на берег, дед на пичугу указал: – То теперь твой береговой товарищ. Тож зрёк . 4 1 12

Мишаня рядом примостился. Наблюдать, как со вздохом падают в воду отгорающие угольки. Он всё норовил менять догорающую лучинку на новую при последнем её вздохе. И порой до того дотягивал, что почти исчезал огонёк. Почему вдруг пламя, ни у кого не спросясь, с ровного на прерывистое переходит? Часто так, словно после бега, задышит? И трещит-то иная лучинка почему? Вообще-то больше молчащих, а есть и до разговору охочи». 3-141

Ближе к красному углу широкий дубовый стол – такой с дюжину человек к себе допустит! 3-119

Страх за Еленкой из-под каждого куста, из-за каждого стога подглядывал. В глазах встречных мерещился. Успокоилась немного, когда на лодочке на середину реки выгребла: тут на просторе не достанут. Едва лодка ткнулась в противоположный берег, только выскочили они да вытянули её на песок, как дрожь к ней вернулась. Ивняк кругом обступил. Тропка узкая, и страх опять глиной под ногами чавкает. 3-116

Одну струну поддёрнул. Склонился, послушал. После вторую, третью. Настраиваются они с инструментом. Прислушиваются друг к дружке 3-98

Машу да Таню обнял, тискал, словно котят. Те и взаправду запищали. 3-84

Он всё думал: «Как поженимся, так робость уйдёт. Ан нет. Ещё хуже». Бывало, сидят где с мужиками. Ленка пройдёт, поздоровается со всеми, а они вослед ей беззастенчиво лыбятся. Языками цокают. Ваську по коленке похлопывают: «Ишь, твоя-то пошла». Ему приятно. А дома за собой дверь притворит и за ней храбрость бегать по улице оставит. Она, храбрость-то, и готова за ним шмыгнуть, да тоже побаивается. А подождать её нельзя: тепло всё из избы, ожидаючи, выпустишь. 3-77

Первый снежок стаял. И второй, белизной тёмный мир порадовав, сбегал водой на воду. А третий укрыл зелёные всходы озимых, крыши присыпал, побелил, дороги выровнял. Из грязи колёсной за ночь санный путь сотворил. 3-53

Ишь, рыбарь, какую красавицу поймал! Свезло! 3-54 О Елене Сивковой

Зима скоро всех в избе соберёт. Метель неделями никого за ворота не выпустит. 3-53

Взяла привычно мутовку масло сбить. Да только вот пальцы, руки – не то, что крутить, – удержать сосновую палочку не смогли. Зато раздумья крышечку из туюска поддели, выбрались наружу. Опять тёмные уселись рядом. Закружили. 3-36

Да что же это я? – Маремьяна мысли чёрные на тесовые плахи пола с фартука стряхнула, в дальний угол, в туюс пустой веничком замела и крышечку плотно вбила. – Неча мне с вами сидеть! Дел кругом!» 3-36

Корова, слава Богу, отелилась. Телёнок по двору уж который день носится. Глаза огромные. Вчера ходил лошади представляться. Знакомиться 3-34

Жизнь человеческая – что годовой круг. Полная надежды весна, лето солнечное, жизнью восторженное, потом осень мудрая – пора урожайная да зима воспоминаний и приготовлений. 3-34

Май навалился на деревню работами, будто считал, что до него человеку заняться было нечем, и вот теперь-то пусть впряжётся. 3-34

снег стаял сперва на солнечной, весенней стороне дома. Полосой отступил и капельками блестел рядом, словно и сам был рад серовато-коричневой земле, проступившей среди белого, за зиму самому себе наскучившего. Прошлогодний лист, ощутив свободу от снежного плена, рвался при каждом дуновении ветерка подняться и повторить свой единственный осенний полёт. Но удавалось лишь, подпрыгнув, перевернуться и, зацепившись за сухую травинку, ждать, когда рядом иголочкой проклюнется зелёный росток, чтоб напомнить листу ярким цветом жизни его молодость. Вокруг стволов спящих пока ещё берёз за день образовался свой тёплый мирок 3-28

Никто уж нового не сгребал, а по поднявшемуся ветру, чтоб помогал, сгоняли валки поближе к стогам и метали засохший стебельками, цветами, разнотравьем июль, поддевая его на трёхрогие вилы, на самый верх стогов 3-16

С ней одной и можно поперемигиваться, пощуриться по-родственному на родном немецком о России, судьбе. И судьба та ноне почти уж в наших руках. России после войны жестокой ласка нужна. Она, Россия, доверчива!» 2-430

Мысли ему лупу трёхкратную подтащили: гляди лучше. 2-395

Глава 48 ПОДВИНЬСЯ, ЕВРОПА! 22 октября 1721 г., Троицкий собор, Санкт-Петербург 2-389

Подвинься, Европа! 2-390

Мысль тревожная продолжала бить себя кулачками в грудь. Выкрикивать что-то. Да владыка Феофан её щелчками в ящик обратно загнал, задвинул, только что не прищемив: «Без толку тебя слушать. Ты всегда только и стонешь, и всегда долей своей не довольна. Всё на другие государства поглядываешь. Сиди у себя. Не ной. Не ропщи. Тебе вон Европу показали. То-то. Поди, умойся! 2-364

...ым подует? Европейские дуновения». Из того же ящика прихромала тощая, будто пришибленная мысль. Он подивился: как и на ногах-то стоит? Но дальше – хуже. Она говорить начала, и на все его рукой махания не останавливалась: накипело у сердушной 2-262

Мысль дерзкая доложила о завершении доклада. И шёпотом добавила ... 2-358

Непутёвая мысль, что по внукам-дитяткам докладывать желала, помялась молча ещё маленько, хотела было вякнуть: – Да ведь всяко может статься! Но тут здоровые старшие её за хвост удёрнули: – Поди покуда. Не доросла! 2-358

Мысль бесстрашная подбоченилась, грудь вперёд: – Государь наш всё думал, на кого 2-358

Вывел на листе «III». Долго думал, какое имя писать. Выручила отважная мысль, что за Катьку отвечать вызвалась. Ножкой шаркнула, объявила: – Государыня царица Екатерина Алексеевна.

Мысль неугомонная, съёжившись было, распрямилась и продолжила. Прямая, бескомпромиссная мысль: 358 – Так вот. Царевич семи лет от роду грамоту ведал 2-357

Она покатила по песку, **призывая** за собой сухие иголки и песчинки. Скатила и **замерла** в сажени от воды. 2=348

Встал рядышком с маленькими сосенками, что радовались здесь простору. Солнцу и небу. Каждому облачку 2-348

С Балтики ночью ещё снег пришёл. Если Петербург миновать, напрямки к войскам, то лучше переждать. Неровён час, встанем в дороге. Всё кругом засыпано. Зги – и той не видать. Хоть на ладонь её поставь. Не вели ноне запрягать. Одни снежинки в мире ... Ипат Калинович на себя удивление от Еленки нехотя принял:– Кого, Государь?– Так тех, кого ты миловать сюда явился. Кого давить нещадно, копытом бить ты предлагаешь завтра, не сегодня?Еленка с Макаровым переглянулись, только что не перемигнулись. Муханов же удивленье от себя не отпускает. 2-295

296

Оно на него шапку по уши натянуло. Теперь ему не то что зги – носа своего не видно

И не дожидаясь, пока Петровы брови из вздёрнутых удивлённо вверх в кивок благосклонный перейдут, обернулся к Фельтену и указал... 2-286

Удивление губки её премило уточкой вытянуло, головку вскинуло. Тут Пётр удержаться не сумел. Да и чего теперь? Свои ответно клювиком селезня сложил и чмокнул. 2-291

О глупости да невежестве, которого хоть кораблями к границам вывози да приплачивай, лишь бы взяли: – Иль не то? Может, попрдержат? Может, они когда самым ходовым товаром будут? 2-284

Осип вошёл, дверь за собой прикрыл, лекаря за собой не пустил. На Федю глянул и взглядом совесть Федькину к Федьке тож не допустил: нечего ей, чистой, в безобразном ютиться. Одно и сказал: 2-284

Пётр из комнаты своей к шуму прислушивался: «Кто ж так строит?! Одни щели. И в каждой свой звук живёт! Не то что рядом, а и то, что через соседа слышать!» 2=-279

А всё оттого, что решил: раз мысли в порядок привожу, так может они, глубинные, пример с внешнего Петра взяв, быстрее и внутри головы его в линейки да по полочкам расположатся 2-270

Пётр же часы свои с вечера не завёл, и когда поутру стрелки замерли, руку свою несколько раз от ключика поотдёргивал. А после молчащие в недоумённом покое оставил, подале засунул, тряпичной беззвучной прикрыл, механизм колёсиковый в недоумённом покое схоронил. 2-266

Пётр отозвал зачитавшиеся мысли от Миней. Собрал с соседними поближе и задачку определил: «Мне уж тридцать девять. А зачем живу? 2-269

Одно не удавалось усмирить: голову. Вернее, и ею старался не пританцовывать, не поддёргивать. В том шея ему в помощники быстро подрядилась. Кому постоянное-то кручение в удовольствие? А вот мысли? До этих не дотянешься и указа им не считаешь. мыслишь, так они, ране чем его прочтёшь, его уж обсмеют. А если надиктовать кому иному, чтоб тот им зачёл, они на смех ещё при диктовке подымут. Но и их – с их же подсказки – придумал, как утихомирить. Выдвинул сундучок, достал Миней. На дне январском раскрыл и мысли свои к владыки Димитрия строчкам приковал: Весть о чудесном избавлении Петра от оков и темницы разошлась по всему Иерусалиму...2-266

А чтоб вот как сегодня... Снежок похрустывающий. **Книгу, мудростью шелестящую**, в друзья. И чтоб никаких лишних рядом. Белые снега, белые страницы, чистые помыслы, ... 2-268

Лошади тронулись раньше, чем вожжи передали им сообразительность возничего. 2-263

Когда семнадцатого января часов с девяти, выехали к Москве, снегу было ещё не так много. Но уж через час пути мороз отпустил и завьюжило, будто в феврале. И всё кидало и кидало белое сомнение коням под копыта, возницам в лицо, Петру прямо в сердце. 2-259

На пути этом снежном, в стране один. Прильнул носом к окну: снёги. Кружатся, будто мысли. Носятся и всё не улягутся 2-259

Осип так рассуждал: «Любая мыслишка, словно бревно через пыльную мельницу, как через жизни жернова пройдёт, корабельной доской и опилком выйдет. Вот каждый и решает, опилки – мысли его иль доска деловая».каждый и решает, опилки – мысли его иль доска деловая». 2-259

в весёлом тёзку своего соседа, **норов за дверцей оставил**. 2-258

Да ты что удумала?! Куда это одна? С собой не возьмём. Какие думки люди вечерами у печей от шестка до полатей зачнут мухобойкой гонять? **П+ олицетворение 2-258**

Россия не только от шведов своё вернула, но и от всех требует: отныне с нею, великой державой, считаться 4=249

Карл – раненый зверь

Мы Карла обозлим так, что может раненый и к вам прийти. 2-218

Дождик в иных краях – про Петрово предприятие не познал и не подоспел. 2-213

Прилив помогал – так отлив мешал. А после они местами менялись, и вредительно-помогательно дело своё продолжали. Государь ворчал на Щепотьева: – С ними почему не договорился? Поди, покидай червонцев. Утихомирь. Хватит им дышать 2-212

Ещё поулыбался и, улыбку не отпуская, в сон с собой забрав, заснул: «Какие благословенные острова! Всех бы миловал!» 2-206

В море! На простор! Где взгляду предела нет, мысль где чайкой носится и сдерживаема лишь воображением. В море, где всюду тебе дорога. Где ветер тебе попутчик. Где звёзды путь укажут. Только по ним сверяешь помыслы свои 2=158

Отавой глаз то ли радуют, то ли пугают, от снегов стогами на повети просятся. Дождик на себя сентябрь примеряет, а в иные дни лужами неусыхающими места для октябрьского уныния помечает. 2-150

Задышал прерывисто, как на прошлой неделе, когда сваи бил, один за двуручну бабу-молот ухватя 2-153

Лист на деревьях – он вроде и летний, а взглядишься в него – перед холодами трепещет, на землю просится. 2-150

– Доброе утро, батюшка! – Алёша заранее примирительно со всем, ножки сведя, ручки скрестив, глазки в пол уткнув, мысли ещё ране в комнатке своей оставил. 2-119

И вся эта радость небесная в реке отражается, удваивается. Ветерок с водой заигрывает. Щекотит. Обоим удовольствие. На реке рябь. Мурашки. 2-133

Комара казнил, но успокоение не пришло 2-118

Государь ответно сомнения из груди выдохнул, воеводу отпустил: – Водки! 2-102

«Эти хуже подмётчиков. С теми сладить можно. У них известно, где зуделка. Её и выдрать легко. Отыми бумагу да чернила, они и замолчат». 2-118

О том и ветерок сразу ей подсказал. Аккурат со стороны Хетки в личико раскрасневшееся дунул, охолонул концами василькового плата по губам. 2-103

Красавица лежала, замерев, вытянувшись стрелой, с выдвинутой нижней челюстью, блестя серовато-зелёной спиной со светлыми боками и бурыми пятнами. 2-76

Река, по собеседникам за зиму истосковавшись, шепталась с дощатым бортом лодочки. 2-75

Сын, во главе процессии до отца дошагав, голову поднял. Пётр в глаза двенадцатилетнего отрока взглянул, и сразу пыл и желание заветным поделиться куда-то за возок забежали и оттуда, переглядываясь, поочерёдно высовывались. 2-70

Малая костича большую государеву возню учинила! 2-63

Упёрся Пётр. Оно и понятно. Труса изобразить! Беглеца жалкого! На сочувствии сыграть! Пошли все... Но главное режиссёрами было сделано. Debutant¹⁹ с первой читки не выпущен, и основные движения, хоть и отрицая, запомнил. Назначили первую репетицию. Сценарий оказался удачным. Немых участников, зрителей неисчислимо – от Азии до Европы. И примадонна сцены – жизнь – захотела сама выйти на подмостки, блеснуть импровизацией! В ночь с седьмого на восьмое августа, вскинув в сёдла двух стремянных, пятидесятника Мельнова и десятника²⁰ Ладогина, она пришпоривала их коней от Кремля до самого Преображенского. 2-26

Царёк под шапкой вьющихся волос Петра недовольно присел, но корону под подушку пока не сунул. Пётр же про себя продолжал: «А на что сила большая нужна? Чтоб принять власть? Иль чтоб отказаться?!» «Отказаться?!» – царёк в кудрявой головушке вскочил, быстренько мысль эту отказную отыскал и короной начал молотить по ней, силясь уколотить её вусмерть. Пётр сморщился. В голове застучало. Схватился за пульсирующий затылок. Мысль враз ушла. Царёк изнутри поколотил ещё немного, затем плюнул на покрасневшее, потёр, погладил. Рези у Государя стихли. 2-44

Царёк внутри головы, схватив корону, опять пребольно заколотил тяжёлым её ободом. Как чеканом. Бил всё по одному месту. Чтоб больнее. Чтоб дошло быстрее. 2-44

Я им и мышей на крыльцо, и крота из огорода. А они: „Хозяин у тебя дурак, и ты такой же“. Я тогда им – кошачий привет в тапок и ушёл. К себе. Сами вы...» 5-402 мусик

Семь... Сегодня хуже. Чтоб семь шагов от порога до печного угла... А бывало, в четыре перемахивал, да ещё с дровами. Бывало... Теперь обо всём можно говорить, что когда-то бывало – быстрее, вкуснее, веселее-е-е, в общем. Теперь только старше. Вот сейчас начнёт воду в чайник лить, так опять пол закаплет. Ковшик-то держи за ручку! Не может... Руки у него, вишь. Пальцы не разгибаются. Вот он ими за край, словно прихваткой для сковороды. Справился. Теперь чайник-то ровнее ставь на газ! Да спички – вчера четыре сломил, пока запалил. Полыхнуло, понятно. Газу-то сколько напустил! – кот соскочил со стула и слизывал капли с половицы. – Чем ещё-то ему пособить?» 5-400 Мусик

– Сказывайте, что на этот раз? Присел на край стула: – Мне ещё прошлая глупость ваша в глазах каждого встречного ухмыляется. 2-21

Но судьба оказалась расторопней. 5-385

Оба же спорщика одновременно тыкали пальцами по экрану, и на нём действительно отображалось всё огромное здание. Планы этажей с номерами аудиторий, обозначения читальных залов и книгохранилищ. Мальчишки убежали, и Любушка, мелко переступая, бочком придвинулась к мудрёному советчику. 5-388

Но больше её удивил сам автомат: где же библиотекарь? Постояв и понаблюдав ещё немного за работой электронно-механического коллеги, она двинулась дальше. 5-388

Обмяк весь, глаза задумчивые, по избе медленно, словно смысла жизненного ищут, вещи перебирают 5-378

Проехали мост, и сразу на здании большими синими буквами она прочла: «Интеллектуальный центр Научная библиотека». Прочла и испугалась этой центральной интеллектуальной научности. Из понятного и родного было только слово библиотека. Автобус остановился. 5-386

Машина ожидала выписанных почтой зеркал 5-347

Мышь, уже который день сидя под кухней, в ходу, прогрызенном ещё её глухой с рождения бабкой, твердила: – Как надоели они со своими каляками! Приличные люди зимой снег разметают, с весны на грядках. Ведь много чего полезного вырастить можно. Горошку там, зерна какого... А эти месяцами из дома не выходят и ещё двух котов при себе... Уйду к адекватным. 5-269

Мышь тихонько перешагнула рубеж, отчёркнутый когтем втянутой в нору кошачьей лапы, и потянула носом: «Капуста тушёная... Сами, сами ешьте. А вот хлебушка, корочки верхней от каравая, что с пятью злаками...» 5-269

Ещё три шажка, и усатую мордочку осветила лампочка, что над плитой. Мышь зажмурилась: «Больше всего повезёт, когда зёрнышки овсяные и ржаные. Лапками ухватишь и суслишь... Да и ячменное...» 5-269

Корешок замер. Судьба впечатала его в кресло. Он поправил траекторию, предоставляя машине равные шансы на выбор предмета столкновения 5-344

Войдя, остановились у стола, на котором последний раз, несколько лет назад, виделись с хранителем вековой тайны. С первой русской книгой по математике. С сотнями её задачек и главной тайной – с записью Елены. Со строчками, выведенными матерью Ломоносова 5-279

Господь, покачав головой, вновь раскрыл книгу Корешка на оглавлении и вписал название новой главы 5-437

Замок его не сразу запустил, но как перед ним шапку снял, улыбнулся, признал и пружинкой отзвенел призывно. 5-243

Сергей, когда вернулся, ему давно за шестьдесят было. Это если в лицо глянуть. А со спины так дело к семидесяти. С автобуса чемодан на колёсиках снял, глянул на деревню, а той по-прежнему семнадцать. 5-243

Но вечерняя серая мгла прикрыла уже своего невзрачного человечка, минутой раньше доверившегося ей. 5-227

«Арифметика» Леонтия Магницкого, один из шести экземпляров первого оттиска с пометками Петра Первого, Елены Сивковой и Михаила Ломоносова отправилась по улицам ночного Архангельска 5-221

А время уже повернуло за угол рабочего и оттуда пальчиком в сторону районной поликлиники указывало. 5-189

Как только прощальные улыбки сбежали с лиц Петра и Марины, а дверь из соседней приёмной в коридор пристуком доложила, что гости точно вышли, они переглянулись: 5-206

Так вот. Гайка лежит теперь во тьме, на середине короба. В метре этак от шторок. Светло 170 если бы было, так блестела бы цинком. А так... Да и перед кем красоваться? Одна она. Никто уж, поди, не накрутит на болт, не прикоснётся, не обнимет ласково рожковый, а то и накидной гаечный, ну, или на худой конец, разводной ключ. Всё. Замуровали... 5-169

Месяц спустя удар шваброй пришёлся в аккурат по той части короба, где лежала М12-я. ... А гайке каково? Подпрыгнула. Полёт у неё. Чувства, ощущения, наверное, как у космонавта.

Приземлилась, другой раз подпрыгнула, только уж низенько, и замерла, на ребро встав, на грань то есть. Дырочкой поперёк движения воздуха. Аэродинамика у неё не очень. Совсем, можно сказать, никакая. Зато теперь чувства, ощущения, как у Шумахера. Воздух, словно болид с огромной скоростью, обдувает. Через отверстие с резьбой проходя, даже посвистывает. И М12-я теперь звучит. Может, то предназначение её? Она, может, как четырёхфутовая органная труба? Ну, пусть как часть её. Ну, хоть как-то похожа. Нет? Ну и ладно. Уж помечтать нельзя! 5-170

О том и **чирикнуть** не успеешь. 5-148

Окно плакало. Весна окружила дом и капелью с крыши смывала зимние воспоминания с крашенных в зелёный цвет стен. Посеревший снег уже сдал трубы, конёк и с каждым днём отступал всё ближе к краю. Вода затеяла лужицу на нижних досках крыльца и торжествовала, что утренние заморозки уже не всю её переколдовывали в ледок. Выпущенные на волю соседские куры весь день не сходили с чёрного, оттаявшего края грядки. 5-73

Окно перед ним безмолвно плакало. 5-74

Капельки талой воды, набрасываемые ветром на стекло, скатывались медленно, словно не хотели прощаться с ним, с тёплым светом 5-72

Слёзы с пёрышка, капельками чернил, ложась на бумагу ручейками-строчками, спешили на далёкий Васильевский остров 5-77

С правой страницы ему подмигнула киноварная заглавная буква, выведенная древним мастером. 5-136